

В. И. Петрушко

**Феодоровская икона Божией Матери
в контексте государственно-церковных отношений на Руси
во второй половине XIII — первой половине XIV вв.**

УДК 94(470)+271.2-9:271.2-526.62-312.47
DOI 10.47132/2618-9674_2025_4_132
EDN BNIEVT

Аннотация: В статье обосновывается мнение, что Феодоровская икона Божией Матери, будучи связанной с памятью великих князей Ярослава Всеволодовича и св. Александра Ярославича Невского, стала своеобразным символом великокняжеской власти, что обусловило ее перенесение из Городца в Кострому после утверждения на великом княжении Василия Ярославича Костромского. Также высказывается предположение о причастности митрополита Киевского Кирилла II к этому событию, которое, возможно, также было связано с церковным Собором 1273 г. Впоследствии, когда великое княжество Владимирское было разделено, и Владимир, где находилось погребение Александра Ярославича, оказался во владении Александра Васильевича Суздальского, второй великий князь — Иван Данилович Калита — в память о своем деде, Александре Невском, создал в 1330 г. в Костроме Александровский монастырь. Феодоровская икона, вероятно, стала главной святыней этой обители, имевшей характер мемориала в честь князя Александра. Впоследствии, когда Иван Калита вновь объединил великое княжение, монастырь утратил былое значение и получил наименование Ипатьевского — по своему престольному празднику, отмечавшему день кончины Александра Невского.

Ключевые слова: Феодоровская икона Божией Матери, Русская Церковь, митрополит Кирилл II, митрополит Феогност, Великое княжество Владимирское, Ярослав Всеволодович, св. Александр Ярославич Невский, Иван Данилович Калита, церковный собор 1273 г., Владимир-на-Клязьме, Кострома.

Об авторе: **Владислав Игоревич Петрушко**

Доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: vp@sedmitza.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1542-5546>

Для цитирования: Петрушко В. И. Феодоровская икона Божией Матери в контексте государственно-церковных отношений на Руси во второй половине XIII — первой половине XIV вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 4 (32). С. 132–146.

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 26.10.2025.

Vladislav Petrushko

**The Feodorovskaya Icon of the Mother of God
in the Context of State-Church Relations in Rus'
in the Second Half of the 13th to the First Half of the 14th Centuries**

UDK 94(470)+271.2-9:271.2-526.62-312.47
DOI 10.47132/2618-9674_2025_4_132
EDN BHIEVT

Abstract: This article substantiates the view that the Feodorovskaya Icon of the Mother of God, being associated with the memory of the grand princes Yaroslav Vsevolodovich and St. Alexander Yaroslavich Nevsky, became a kind of symbol of grand-ducal authority, which accounts for its transfer from Gorodets to Kostroma after the accession to the grand principality of Vasily Yaroslavich of Kostroma. It also advances the hypothesis that Metropolitan Kirill II of Kyiv was involved in this event, which may also have been connected with the Church Council of 1273. Subsequently, when the Grand Duchy of Vladimir was divided and Vladimir – where Alexander Yaroslavich was buried – fell into the possession of Alexander Vasilyevich of Suzdal, the second grand prince, Ivan Danilovich Kalita, in memory of his grandfather Alexander Nevsky, founded the St. Alexander Monastery in Kostroma in 1330. The Feodorovskaya Icon probably became the principal relic of this monastery, which had the character of a memorial to Prince Alexander. Later, when Ivan Kalita once again united the grand duchy, the monastery lost its former significance and was called the Ipatiev Monastery after its patronal feast, which marked the day of Alexander Nevsky's death.

Keywords: The Feodorovskaya Icon of the Mother of God, Russian Church, Metropolitan Kirill II, Metropolitan Theognost, Grand Duchy of Vladimir, Yaroslav Vsevolodovich, St. Alexander Yaroslavich Nevsky, Ivan Danilovich Kalita, Church Council of 1273, Vladimir-on-Klyazma, Kostroma.

About the author: **Vladislav Petrushko**

Doctor of Church History, PhD in History, Professor at the Department of General and Russian Church History and Canon Law of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University.
E-mail: vp@sedmitza.ru ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1542-5546>

For citation: Petrushko V. The Feodorovskaya Icon of the Mother of God in the Context of State-Church Relations in Rus' in the Second Half of the 13th to the First Half of the 14th Centuries. *Paleorussia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 4 (32), p. 132–146.

The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Согласно позднему преданию, нашедшему отражение в прошении городецких старост, поданном патриарху Московскому и всея Руси Адриану в 1700 г., Феодоровская икона Божией Матери прежде своего перенесения в Кострому изначально находилась в Феодоровском монастыре в Городце, якобы существовавшем еще с XII в. Однако наличие монастыря в Городце в домонгольское время не подтверждается ни источниками, ни археологическими данными¹.

Гораздо более убедительным представляется мнение С. И. Масленицына о том, что икона, прославившаяся в дальнейшем как Феодоровская, была написана по заказу Владимирского князя Ярослава Всеволодовича, отца св. великого князя Александра Невского, в 1239 г., когда после Батыева нашествия осуществлялось восстановление разгромленного монголами Владимира-на-Клязьме и его кафедрального Успенского собора, где хранилась Владимирская икона Божией Матери². Вероятно, эти работы были приурочены к перенесению в Успенский собор во Владимир останков павшего в сражении на реке Сить Владимирского князя Юрия Всеволодовича, первоначально погребенного в Успенском соборе в Ростове³. Можно думать, что чудотворный Владимирский образ был при этом не только «поновлен»⁴, но именно тогда с него был сделан список, который позднее также прославился как чудотворная икона, получив наименование «Феодоровская»⁵.

Название Феодоровской иконы традиционно связывают со св. великомучеником Феодором Стратилатом, который, по преданию, явился костромичам с иконой после ее обретения на окраине города. Главный храм Костромы — собор св. Феодора Стратилата, где была помещена икона, судя по его посвящению, был построен князем Ярославом Всеволодовичем, который в крещении был наречен Феодором. Очевидно, что строительство Феодоровского собора в Костроме могло быть предпринято лишь после того, как Ярослав после гибели своего брата Юрия Всеволодовича в 1238 г. стал Владимирским князем⁶ и получил Кострому в свое владение, но не позднее 1246 г., когда Ярослав скончался.

В пользу 1239 г. как даты создания Феодоровской иконы может свидетельствовать и такой важный факт. В 1239 г. состоялась женитьба князя Александра Ярославича на дочери Полоцкого князя Брячислава Васильковича⁷, имя которой из современных ей источников достоверно не известно. В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» называет ее Параскевой⁸. Между тем, изображение св. мученицы Параскевы Пятницы находится на обратной стороне Феодоровской иконы Божией Матери, причем, святая представлена в довольно нетипичной иконографии — без креста в руках, в богатой («княжеской») одежде. Сохранившуюся живопись на обороте Феодоровской иконы убедительно относят к XIII в.⁹ Маловероятно, что Татищеву в первой половине

¹ Бахарева Н. Н. Городецкий Феодоровской иконы Божией Матери монастырь // ПЭ. Т. 12. М., 2006. С. 134–138.

² Масленицын С. И. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология: Ежегодник 1976. М., 1977. С. 155–166.

³ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 465–468.

⁴ Вахрина В. И., Щенникова Л. А. Владимирская икона Божией Матери // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 8–38.

⁵ Имеющиеся расхождения в иконографии Владимирской и Феодоровской икон могут объясняться последующими поновлениями обеих икон, изменившими их композицию (Антонова В. И. К вопросу о первоначальной композиции иконы Владимирской Богоматери // ВВ. 1961. Т. 18. С. 198–205; Масленицын С. И. Икона «Богоматери Федоровской»... С. 155–166).

⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 467.

⁷ НПЛ. М., Л., 1950. С. 289.

⁸ Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. СПб., 1784. С. 2.

⁹ Масленицын С. И. Икона «Богоматери Федоровской»... С. 155–166.

XVIII в. могло быть известно это изображение св. Параскевы, скрытое в то время киотом, так что историка трудно заподозрить в измышлении имени супруги Александра Невского на основании изображения на обороте Феодоровской иконы (хотя источник информации об имени княгини, использованный Татищевым, остается неизвестным). Таким образом, с высокой долей вероятности можно считать, что написание Феодоровской иконы могло быть приурочено к свадьбе Александра Ярославича и явилось даром Ярослава Всеволодовича своему сыну.

В таком случае появление Феодоровской иконы в Городце логичнее всего было бы объяснить не ее изначальным написанием для этого города, а тем, что именно в Городце 14 ноября 1263 г. скончался возвращавшийся из Орды на Русь водным путем по Волге великий князь Александр Ярославич¹⁰, при котором, вероятно, и находилась особо чтимая им икона — свадебный дар его отца. Будучи личным моленным образом, Феодоровская икона могла сопровождать Александра Невского в его последней поездке в Орду. В Городце же эта святыня осталась, вероятно, потому, что после смерти Александра Ярославича город, согласно его завещанию, унаследовал в качестве удела его третий сын — Андрей Александрович¹¹, в руки которого и перешла отцовская икона.

Если принять, что икона была написана по заказу великого князя Ярослава Всеволодовича, нареченного в крещении в честь св. Феодора Стратилата, и была личным моленным образом его сына Александра, то можно допустить, что наименование иконы «Феодоровская» могло возникнуть гораздо раньше того времени, когда она оказалась в Феодоровском соборе Костромы, — то есть, еще при Александре Невском. Весьма показательно, что после своего обретения в Костроме икона продолжала именоваться Феодоровской, тогда как в подобных случаях чудотворные образы, как правило, получали название по месту своего явления.

Назвать икону Феодоровской мог сам великий князь Александр в память о своем отце Ярославе-Феодоре. О том, что Александр Невский сугубо чтит память своего родителя и ассоциировал ее именно с его крестильным именем, может свидетельствовать тот факт, что на своих вислых печатях Александр Ярославич неизменно помещал изображение не только своего собственного небесного покровителя — св. мученика Александра (вероятно, Александра Перского), но и св. великомученика Феодора Стратилата — небесного покровителя своего отца¹².

Такое особое внимание Александра Невского к личности великого князя Ярослава Всеволодовича, возможно, было не только лишь результатом сыновней любви. Как доказывает А. А. Горский, Ярослав Всеволодович на исходе жизни вновь вступил в брак, причем его супругой стала представительница «золотого рода» Чингизидов, возможно, сестра самого правителя Улуса Джучи Батыея. В связи с этим статус Ярослава как породнившегося с ханской семьей вырос в глазах русских князей, что в итоге и обусловило, что великое княжение Владимирское в дальнейшем могли наследовать лишь потомки Ярослава Всеволодовича¹³.

Характерно, что позднейшие предания о явлении Феодоровской иконы Божией Матери в Костроме сохранили начальную в истории этого чудотворного образа

¹⁰ НПЛ. С. 312.

¹¹ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. Т. 1. С. 53.

¹² Гайдуков П. Г. Вислые свинцовые печати Александра Ярославича Невского // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2021. С. 15–21.

¹³ Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в. Батый и мачеха Александра Невского // РИ. 2020. № 4 (июль-август). С. 31–37.

дату — 1239 г., хотя и дали ей совершенно иную интерпретацию, целиком вымышленную. В созданном в XVII в. «Сказании о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» именно 1239 г. фигурирует как точка отсчета истории чудотворного образа. При этом в пространной редакции «Сказания»¹⁴ сообщается о явлении Феодоровской иконы в Костроме 15 августа 1239 г., на праздник Успения Пресвятой Богородицы, и отмечается, что на следующий день икону якобы обрел Костромской князь Василий Квашня — персонаж, обладающий в «Сказании» вымышленной родословной, который, если признать эту дату достоверной, не может быть отождествлен с младшим братом Александра Невского — князем Василием Ярославичем Костромским, родившимся в 1241 г.¹⁵ В минейной же редакции «Сказания»¹⁶ 1239 г. указан как год разорения Городца монголами, после которого чудотворная икона покинула запустевший город, хотя в реальности Городец, как и другие города Владимиро-Суздальской Руси, был razoren еще в 1238 г.¹⁷ Тем не менее, говоря об обретении Феодоровской иконы князем Василием, минейная редакция «Сказания» не приводит даты этого события, равно как и легендарной генеалогии Костромского князя, что вполне позволяет соотнести его с Василием Ярославичем.

То, что Феодоровская икона Божией Матери во второй половине XIII–XIV вв. воспринималась как святыня, связанная с памятью о великих князьях Ярославе Всеволодовиче и Александре Ярославиче Невском, косвенно подтверждают и события, касающиеся ранней истории костромского Ипатьевского монастыря. Так, митрополитом Костромским и Нерехтским Ферапонтом (Кашиным) было высказано и обосновано мнение о тождестве Ипатьевского монастыря с упоминаемым в источниках XIV в. Александровским монастырем «на Костроме». Основанием для этого стало наблюдение, что престольный праздник Ипатьевского монастыря, традиционно отмечавшийся 14 ноября (по старому стилю), когда в соответствии с типиком Великой Церкви празднуется память свмч. Ипатия Гангрского и св. ап. Филиппа, совпадает с днем кончины великого князя Александра Невского в Городце — 14 ноября 1263 г.¹⁸

Это дает веские основания считать, что костромской Александровский монастырь был обустроен в качестве альтернативного центра почитания памяти Александра Невского в условиях, когда хан Узбек в 1328 г. разделил великое княжение Владимирское между Московским князем Иваном Даниловичем Калитой и Суздальским князем Александром Васильевичем¹⁹. При этом, Александр Васильевич по воле Ордынского хана получил Владимир-на-Клязьме, где в соборе Богородице-Рождественского монастыря находилось погребение Александра Невского, тогда как Ивану Калите досталась другая половина великокняжеских владений с центром в Костроме, где им и был создан новый мемориал памяти своего деда — Александра Ярославича. Таким образом, считавшаяся легендарной дата основания Ипатьевского монастыря, запечатленная в предании, — 1330 г.²⁰ — имеет под собой вполне реальное основание.

¹⁴ Ферапонт (Кашин), митр. Пространная редакция «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери»: Текст и комментарий // ИВ. 2023. № 4 (24). С. 35–82.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

¹⁶ Ферапонт (Кашин), митр. Минейная (милютинская) редакция «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» (XVII век) // Богословский вестник. 2020. № 3 (38). С. 280–293.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

¹⁸ Ферапонт (Кашин), митр. К вопросу о времени и обстоятельствах основания Ипатьевского монастыря // ИВ. 2024. № 1 (25). С. 48–70.

¹⁹ НПЛ. С. 469.

²⁰ Павел (Подлипский), еп. Описание костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832. С. 1–2.

Данная гипотеза митр. Ферапонта получила дальнейшее развитие в нашей статье²¹, где в ее подтверждение был приведен, прежде всего, тот факт, что впервые прибывший тогда в пределы Великого княжества Владимирского митр. Феогност²² именно в 1330 г., в начале марта, провел в Костроме церковный Собор²³. На этом Соборе рассматривался юрисдикционный спор между Сарайским и Рязанским архиереями о территории Червленого Яра²⁴. На Костромском Соборе 1330 г. также состоялось избрание новых епископов: Суздальского Даниила²⁵ и Тверского Феодора²⁶. Как представляется, церковный Собор был проведен митр. Феогностом именно в Костроме по той причине, что одновременно предстоятель Русской Церкви должен был возглавить соборное освящение монастыря, создаваемого в память об Александре Невском его внуком Иваном Даниловичем Калитой²⁷, который, в отличие от Александра Васильевича, напрямую происходил от Александра Невского²⁸, и которому, в отличие от Суздальского князя, митр. Феогност несомненно симпатизировал²⁹.

Впоследствии, когда с кончиной Александра Суздальского великое княжение Владимирское вновь было объединено под властью Ивана Калиты, и под его контроль перешел Владимир-на-Клязьме с местом погребением Александра Невского, нужда в альтернативном месте почитания памяти последнего отпала. По этой причине утративший свой мемориальный характер Александровский монастырь со временем стали именовать Ипатьевским — по его престольному празднику, ранее отмечавшему память Александра Невского.

Но почему попытка создать мемориал была предпринята именно в Костроме? Очевидно, что это должно было быть связано с наличием в этом городе какой-то реликвии, связанной с именем Александра Невского, которая и была помещена в новоустроенный

²¹ Петрушко В. И. В развитие гипотезы о времени и обстоятельствах основания Ипатьевского монастыря, предложенной митрополитом Костромским и Нерехтским Ферапонтом // ИВ. 2025. № 1 (29). С. 78–90.

²² Грек Феогност был поставлен во главе Русской Церкви в 1327 г. Весной 1328 г. он прибыл из Константинополя в пределы Руси (ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., Л., 1949. С. 168–169), но в течение нескольких лет его резиденция находилась во Владимире на Волыни, так как Феогност стремился ликвидировать недавно созданную Литовскую митрополию и не допустить восстановления ранее упраздненной Галицкой митрополии, добившись тем самым единства Русской Церкви под своим омофором (см. подробнее в: Петрушко В. И. Владимир на Волыни как церковный центр Русской митрополии в начальный период служения митрополита Феогноста // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 1 (21). С. 53–60).

²³ РИБ. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права, ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 171–172 (см. подробнее в: Введенский С. Н. Церковный собор в Костроме при митрополите Всероссийском Феогносте // Христианское чтение. 1914. № 2. С. 235–245).

²⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 310. С. 340–341; № 313. С. 343–345; Русский феодальный архив. М., 2008. № 94. С. 302–303; № 95. С. 304–306.

²⁵ РИБ. Т. 6, ч. 1. Дополнения. № 7.10. Стб. 439–442.

²⁶ Там же. Дополнения. № 7.11. Стб. 441–442.

²⁷ Иван Калита основал монастырь в память об Александре Невском на купленной им в Костроме земле с вотчинным храмом (Ферапонт (Кашин), митр. К вопросу о времени и обстоятельствах... С. 48–70) или же, что представляется более вероятным, перекупил у потомков костромского боярина Захария Чета их уже существовавший на тот момент вотчинный Александровский монастырь, очевидно, названный так в память об убиенном в 1304 г. сыне Захария Чета — Александре Зерне — в честь его небесного покровителя (Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1969. С. 179).

²⁸ Александр Васильевич Суздальский был правнуком Андрея Ярославича — брата Александра Невского (см. подробнее в: Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991).

²⁹ См. подробнее в: Петрушко В. И. В развитие гипотезы... С. 78–90.

костромской монастырь, посвященный св. мученику Александру, чье имя носил в крещении Александр Ярославич. И эта святыня должна была быть исключительно значимой, так как ей предстояло стать альтернативой месту погребения Александра во владимирском монастыре Рождества Пресвятой Богородицы. Очевидно, что это не могла быть часть мощей князя, которые были обреты лишь в 1380 г.³⁰ Думается, что на роль сакрального центра мемориала Александра Невского в Костроме могла претендовать только одна святыня, масштаб которой был вполне сопоставим с его честными останками, — это Феодоровская икона Божией Матери. Поскольку Владимирская икона в это время также находилась в руках Александра Суздальского, Феодоровская икона, остававшаяся у Ивана Калиты, также получала дополнительную смысловую нагрузку как реплика Владимирского образа — палладиума Владимиро-Суздальских Мономашичей. Исходя из этого, Феодоровская икона при Иване Калите, вероятно, была помещена в Александровском монастыре, но затем, когда обитель утратила характер Александровского мемориала, вернулась в городской собор Костромы.

Таким образом, если признать, что Феодоровская икона Пресвятой Богородицы во второй половине XIII–XIV вв. в глазах современников ассоциировалась с памятью как о великом князе Александре Невском, так и о Ярославе Всеволодовиче, то в этом образе следует видеть особую династическую реликвию потомков Ярослава — своеобразный символ преемства от него, идущего через его сына Александра и овеянного славой героя Невской битвы и Ледового побоища. Обладание этой реликвией по-особому укрепляло авторитет того из князей, в чьих руках находилась Феодоровская икона.

Но в таком случае Иван Калита был отнюдь не первым князем, который попытался использовать Феодоровскую икону для укрепления своего великокняжеского статуса. Очевидно, что древнее предание об обретении Феодоровской иконы легендарным князем Василием Квашней отражает вполне конкретное историческое событие — переход чудотворного образа в руки князя Василия Ярославича и его перенесение из Гордца в Кострому.

Представляется, что это событие не могло произойти ранее того времени, когда Василий Ярославич, прежде бывший удельным князем Костромским, стал в 1272 г. великим князем Владимирским и тем самым получил старшинство среди русских князей³¹. Логично предположить, что его главенствующее положение было символически подчеркнуто тем, что Феодоровская икона была истребована Василием Ярославичем у 17-летнего Андрея Александровича Городецкого и как символ великокняжеской власти, восходящий к Ярославу Всеволодовичу и Александру Невскому, перенесена в Кострому, которая, как известно, оставалась местом пребывания Василия и после получения им великого княжения. Помещение иконы в Феодоровский собор, построенный Ярославом Всеволодовичем во имя своего небесного покровителя, придавало этому символическому акту дополнительную окраску.

Почему Василию Ярославичу понадобилось принять такие дополнительные меры для укрепления своего престижа в качестве великого князя? Думается, что это произошло в условиях острого противостояния между Василием и его племянником — Дмитрием Александровичем, князем Переяславским, сыном св. Александра Невского. После того, как в начале 1272 г. Василий занял Владимирский великокняжеский престол, новгородцы отказались признать его своим князем. Несмотря на попытки Василия Ярославича договориться с новгородцами, те в октябре 1272 г. признали своим князем Дмитрия Александровича Переяславского³². Однако Василий, заручившись

³⁰ Назаренко А. В., Квливидзе Н. В. Александр Ярославич Невский // ПЭ. Т. 1. М., 2000. С. 541–544.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 525; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 241; ПСРЛ. Т. 25. С. 150.

³² НПЛ. С. 321–322.

покровительством Ордынского хана Менгу-Тимура и поддержкой младших князей Северо-Восточной Руси, приступил со своим войском к Торжку, который вскоре был взят и сожжен. Другой племянник Василия Ярославича — князь Святослав Ярославич Тверской — в это же время разорил новгородские владения: Волок на Ламе, Бежецкий Верх, Вологду и другие волости. Василий посадил в Торжке своих наместников и не только перекрыл поступление хлеба в Новгород, но фактически парализовал всю новгородскую торговлю. Новгородцы во главе с Дмитрием Александровичем попытались предпринять против Василия Ярославича ответные военные действия, но не слишком в том преуспели. Переговоры о мире с великим князем также не принесли успеха. В итоге к началу 1273 г. новгородцы отказались от Дмитрия Александровича и признали своим князем Василия³³.

Можно предположить, что перенесение Феодоровской иконы из Городца в Кострому явилось тем событием, которое должно было поставить точку в признании главенствующего положения Василия Ярославича на Руси и его старейшинства в роду потомков Ярослава Всеволодовича. Перемещение в его стольный град иконы, связанной с памятью великих князей Ярослава и Александра, должно было продемонстрировать князю Дмитрию Переяславскому и его юному (17-летнему), но весьма амбициозному брату князю Андрею Городецкому, что они должны подчиниться воле своего дяди — великого князя и не пытаться претендовать на большее, даже будучи сыновьями Александра Невского. Кроме того, Кострома, фактически обретшая при Василии Ярославиче характер столицы, для укрепления своего стольного статуса должна была получить какую-либо значимую святыню, которой в данном случае и становилась Феодоровская икона. Будучи списком Владимирского образа, она также символически связывала оба стольных града великого князя Василия — Владимир и Кострому.

Столь важное церковное событие, как перенесение чтимого образа, не могло произойти без участия представителей иерархии Русской Церкви. В случае же, когда речь шла о предприятии, инициатором которого выступал великий князь, закономерно было бы ожидать участия в нем самого митрополита Киевского и всея Руси. И действительно, известно, что в 1273 г. в пределы Северо-Восточной Руси из Киева возвращается митр. Кирилл II, который совершает здесь хиротонию архим. Серапиона во епископа Владимирского³⁴ и проводит большой церковный Собор³⁵.

Епископская хиротония Серапиона, скорее всего, была совершена во Владимире-на-Клязьме, его будущем кафедральном городе. Однако нельзя не обратить внимания на то, что на протяжении четверти века, после гибели в 1238 г. от рук монголов Владимирского епископа Митрофана³⁶, во Владимире не было собственного архиерея. В период, когда великим князем Киевским и Владимирским был Александр Невский, во Владимир перебирается митр. Кирилл³⁷, который, как уже неоднократно было признано, стремился находиться подле старейшего среди русских князей и поддерживать его политический курс³⁸. Намерение митрополита поставить на Владимир собственного епископа можно объяснить тем, что с переходом великого княжения к Василию

³³ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 242–243; ПСРЛ. Т. 25. С. 151; НПЛ. С. 322.

³⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 151.

³⁵ Соборные деяния опубликованы в: РИБ. Т. 6, ч. 1. № 6. Стб. 83–102.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 463, 518.

³⁷ Там же. Стб. 472–473.

³⁸ Мусин А. Е. Древнерусское общество, епископат и каноническое право в XII–XIV вв. // *Miscellanea Slavica: Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского*. М., 2008. С. 359; Печников М. В. К изучению Соборных правил 1273 г. // *ДРВМ*. 2009. № 4 (38). С. 97–107; Петрушко В. И. Проблема иерархического возглавления Русской Церкви в контексте междинастических отношений после монгольского завоевания Руси // *Христианское чтение*. 2024. № 2. С. 1–20.

Костромскому предстоятель Русской Церкви планировал большую часть времени находиться при нем, то есть в Костроме³⁹. Соответственно, во Владимире, который номинально оставался главным городом Северо-Восточной Руси, митрополиту нужен был епископ на правах его наместника-викария. Более того, П. И. Гайденоко предлагает видеть в Серапионе Владимирском архиерея, который фактически получал статус «коадьютора» — потенциального преемника митрополита⁴⁰.

В связи с изложенным обращает на себя внимание следующий факт. Преемником умершего 21 октября 1273 г. архиепископа Новгородского Далмата был избран (вероятно, по жребию) Климент — один из двух кандидатов, которых перед своей кончиной указал как своих возможных преемников сам Далмат. По кончине архиеп. Далмата нареченный владыка Климент был отправлен в Киев на поставление⁴¹. Однако архиерейская хиротония Климента была совершена лишь зимой 1275–1276 гг., после чего он к августу вернулся в Новгород. При этом новгородский летописец пишет об этих событиях одновременно с сообщением о кончине великого князя Василия Ярославича, которая также последовала зимой 1275–1276 гг.⁴² Столь значительная задержка с поставлением Климента, очевидно, была связана с тем, что митр. Кирилл вплоть до кончины Василия Ярославича находился не в Киеве, а при великом князе, вероятнее всего, в Костроме или Владимире-на-Клязьме. А то, что новгородцы отправили своего нареченного владыку на поставление именно в Киев, а не в пределы Северо-Восточной Руси, возможно, было связано с новыми трениями, возникшими в их отношениях с Василием Ярославичем. Неслучайно, новгородский летописец отмечает, что, узнав о кончине Василия, «новгородцы же послаша по Дмитрия Александровича»⁴³, который был его политическим соперником.

Следует отметить, что в сохранившихся источниках не нашло отражения место проведения церковного Собора, созванного митр. Кириллом II в 1273 г. Тем не менее, традиционно считалось, что Собор проходил во Владимире. Я. Н. Щапов считал возможным утверждать, что Собор состоялся в Киеве⁴⁴. Тем не менее, Б. Н. Флоря и М. В. Печников отвергли эту точку зрения, реабилитировав мнение о том, что Собор 1273 г. был созван во Владимире-на-Клязьме⁴⁵. В подтверждение такого взгляда свидетельствует как состав участников Собора (епископы Северо-Восточной Руси), так и тот факт, что митр. Кирилл привез Серапиона из Киева

³⁹ Ранее нами было высказано предположение о том, что учреждение митрополитом Кириллом II епископской кафедры в Твери также следует связать с тем, что в бытность Ярослава Ярославича Тверского великим князем Владимирским предстоятель Русской Церкви подолгу находился вместе с Ярославом в Твери, и там за эти годы успел сформироваться церковный центр, который в дальнейшем продолжил свое существование в виде Тверской епархии (см. подробнее в: *Петрушко В. И.* К вопросу об основании митрополитом Кириллом II епископских кафедр в Сарае и Твери // *Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях.* 2024. № 4 (28). С. 73–85).

⁴⁰ *Гайденоко П. И.* Собор 1273 (4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 229–239. Сходная ситуация в дальнейшем сложилась, когда митрополит Киевский и всея Руси Феогност поставил во епископа Владимирского святителя Алексия, митрополичьего наместника во Владимире, которому тем самым было предназначено стать преемником предстоятеля Русской Церкви.

⁴¹ НПЛ. С. 322–323.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. М., 1978. С. 181–184.

⁴⁵ *Флоря Б. Н., Климкова А. А.* Кирилл II // ПЭ. Т. 34. М., 2014. С. 546–551; *Печников М. В.* К изучению Соборных правил... С. 97–107.

во Владимир еще архимандритом, а не епископом⁴⁶. Между тем, М. В. Печников весьма убедительно показал, что Собор 1273 г. имел важную политическую составляющую, будучи направленным против Новгородского архиепископа Далмата, который выступал на стороне противников Василия Ярославича в Новгороде. При этом исследователь предположил, что «инициатива дискредитации архиепископа Далмата в 1273 г., наиболее вероятно, принадлежала великому князю Василию Ярославичу, не желавшему видеть на новгородской кафедре сторонника своего соперника Дмитрия Александровича и прибегшему к помощи митрополита»⁴⁷.

О непосредственном участии великого князя Василия Ярославича в Соборе 1273 г. в источниках ничего не говорится, что, однако, может объясняться их скудостью и краткостью. Тем не менее, в церковных Соборах более позднего времени, как известно, нередко принимали участие как великие, так и удельные князья. Один из ближайших по времени примеров такого рода — Собор 1311 г. в Переславле-Залесском⁴⁸. Между тем, в Кормчей Белокрыницкого извода, составленной старообрядцами на основе созданного в 1620-х гг. списка Кормчей⁴⁹, постановления Собора 1273 г. («Правило Кирила митрополита Русскаго, шшедшихся епископъ...») сопровождаются ремаркой: «Соборъ же бѣ въ лѣто 6782 при князѣ Василии Ярославичѣ поставленъ епископъ Серапионъ изъ архимандритовъ Киевопечерскаго монастыря во Владимирскую епископию». При этом источником текста «Правил Кирила митрополита» послужила созданная в XV в. Кормчая Софийской редакции Второго (Кирилло-Белозерского) вида⁵⁰.

Таким образом, можно допустить личное участие великого князя Василия Ярославича в работе Собора 1273 г., который планировался как имеющий не только церковную повестку, но и политическую окраску, исходившую именно от великого князя. Очевидно, что для координации совместных действий, направленных на утверждение влияния Василия Ярославича в Новгороде посредством дискредитации Новгородского архиепископа Далмата, достигаемой путем соборного рассмотрения нестроений в его епархии, митрополит и великий князь должны были находиться рядом. По этой причине нельзя исключить, что Собор 1273 г. мог проходить не в номинальной столице — Владимире, а в реальном месте пребывания тогдашнего великого князя — Костроме, куда после совершенной во Владимире хиротонии еп. Серапиона участвовавшие в ней архиереи могли переместиться по воле митрополита. Поводом же для такого перемещения епископов в Кострому вполне могло стать санкционированное митр. Кириллом торжественное перенесение из Городца в стольный град князя Василия Феодоровской иконы Божией Матери.

* * *

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно предложить следующую гипотетическую попытку реконструкции наиболее раннего периода истории Феодоровской иконы Божией Матери. Созданная в 1239 г. по заказу великого князя Ярослава Всеволодовича при восстановлении разгромленного монголами Владимира-Клязьме, икона тогда же становится свадебным подарком Ярослава своему сыну Александру. В дальнейшем икона находится при Александре Невском как его личный моленный образ и, возможно, уже тогда получает название «Феодоровская» — в память

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 151.

⁴⁷ Печников М. В. К изучению Соборных правил... С. 97–107.

⁴⁸ Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 59–79.

⁴⁹ В настоящее время: РГБ. Ф. 247. Рогожское собрание. № 272.

⁵⁰ Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 2. М., 2017. С. 364.

об отце, крещенном во имя св. вмч. Феодора Стратилата. После кончины великого князя Александра в Городце в 1263 г. Феодоровская икона остается в этом городе у его сына — удельного князя Городецкого Андрея Александровича. Ставший в 1272 г. великим князем Василий Ярославич Костромской при поддержке митр. Кирилла II переносит Феодоровскую икону из Городца в Феодоровский собор Костромы, которая фактически остается его столицей. Это событие было призвано продемонстрировать преемство Василия на великом княжении от его отца — Ярослава Всеволодовича, и брата — Александра Невского, а также подчеркнуть стольный характер Костромы, где пребывает новый великий князь. Наиболее вероятной датой этого события следует признать 1273 г., когда митр. Кирилл провел церковный Собор, который, возможно, состоялся в Костроме и был сопряжен с перенесением иконы в этот город.

В 1330 г. в Костроме проходит другой церковный Собор, созданный митр. Феогностом, в рамках которого состоялось освящение Александровского монастыря, основанного великим князем Иваном Калитой и призванного стать «альтернативным» центром почитания памяти Александра Невского в условиях разделения ханом Узбеком великого княжения Владимирского и перехода его части с Владимиром на Клязьме и местом погребения Александра Ярославича в руки Александра Васильевича Суздальского. Главной святыней этого Александро-Невского мемориала в Костроме становится перенесенная в Александровский монастырь Феодоровская икона Божией Матери. С переходом Владимира в руки Ивана Калиты монастырь теряет свое былое значение центра Александро-Невского культа. Феодоровская икона возвращается на прежнее место в городской собор Костромы, а сам Александровский монастырь в дальнейшем получает наименование Ипатьевского — по своему главному престольному празднику, которым прежде 14 ноября (ст. стиля) отмечалась дата кончины св. благоверного великого князя Александра Невского.

Источники и литература

Источники

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950.
3. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
4. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
5. ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., Л., 1949.
6. РИБ. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права, ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908.
7. Русский феодальный архив. М., 2008.

Литература

8. Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991.
9. Антонова В. И. К вопросу о первоначальной композиции иконы Владимирской Богоматери // Византийский временник. 1961. Т. 18. С. 198–205.
10. Бахарева Н. Н. Городецкий Феодоровской иконы Божией Матери монастырь // Православная энциклопедия. Т. 12. М., 2006. С. 134–138.

11. Вахрина В. И., Щенникова Л. А. Владимирская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 8–38.
12. Введенский С. Н. Церковный собор в Костроме при митрополите Всероссийском Феогносте // Христианское чтение. 1914. № 2. С. 235–245.
13. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1969.
14. Гайденок П. И. Собор 1273 (4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, вып. 4. С. 229–239.
15. Гайдюков П. Г. Вислые свинцовые печати Александра Ярославича Невского // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 15–21.
16. Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в. Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4 (июль-август). С. 31–37.
17. Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 2. М., 2017.
18. Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 59–79.
19. Масленицын С. И. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология: Ежегодник 1976. М., 1977. С. 155–166.
20. Мусин А. Е. Древнерусское общество, епископат и каноническое право в XII–XIV вв. // *Miscellanea Slavica*: Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008. С. 341–361.
21. Назаренко А. В., Квливидзе Н. В. Александр Ярославич Невский // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 541–544.
22. Павел (Подлипский), еп. Описание костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832.
23. Петрушко В. И. В развитие гипотезы о времени и обстоятельствах основания Ипатьевского монастыря, предложенной митрополитом Костромским и Нерехтским Ферапонтом // Ипатьевский вестник. 2025. № 1 (29). С. 78–90.
24. Петрушко В. И. Владимир на Волыни как церковный центр Русской митрополии в начальный период служения митрополита Феогноста // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 1 (21). С. 53–60.
25. Петрушко В. И. Проблема иерархического возглавления Русской Церкви в контексте межкняжеских отношений после монгольского завоевания Руси // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 1–20.
26. Петрушко В. И. К вопросу об основании митрополитом Кириллом II епископских кафедр в Сарае и Твери // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 4 (28). С. 73–85.
27. Печников М. В. К изучению Соборных правил 1273 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 97–107.
28. Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. СПб., 1784.
29. Ферапонт (Кашин), митр. К вопросу о времени и обстоятельствах основания Ипатьевского монастыря // Ипатьевский вестник. 2024. № 1 (25). С. 48–70.
30. Ферапонт (Кашин), митр. Минейная (милютинская) редакция «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» (XVII век) // Богословский вестник. 2020. № 3 (38). С. 280–293.
31. Ферапонт (Кашин), митр. Пространная редакция «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери»: Текст и комментарий // Ипатьевский вестник. 2023. № 4 (24). С. 35–82.
32. Флоря Б. Н., Климкова А. А. Кирилл II // Православная энциклопедия. Т. 34. М., 2014. С. 546–551.

33. Шапов Я. Н. византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. М., 1978. С. 181–184.

34. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889.

Sources and References

Sources

1. *Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca 14 — nachala 16 v. [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus' at the End of the 14th — Beginning of the 16th Century]*, vol. 3. Moscow, 1964. (In Russian)

2. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First Chronicle of the Older and Younger Editions]*. Moscow, Leningrad, 1950. (In Old-Russian)

3. *Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 1: Laurentian Chronicle. Moscow, 1997. (In Old-Russian)

4. *Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 4, part 1: Novgorod Fourth Chronicle. Moscow, 2000. (In Old-Russian)

5. *Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 25: Moscow Consolidate Chronicle of the Late 15th Cent. Moscow, Leningrad, 1949. (In Old-Russian)

6. *Russkaja istoricheskaja biblioteka [Russian Historical Library]*, vol. 6: Monuments of Ancient Russian Canon Law, part 1: Monuments of the 11–15 Centuries. St. Petersburg, 1908. (In Old-Russian and Greek)

7. *Russkij feodal'nyj arhiv [Russian Feudal Archive]*. Moscow, 2008 (In Old-Russian)

References

8. Abramovich G. V. *Knyaz'ya Shujskie i Rossijskij tron [Princes Shuisky and the Russian Throne]*. Leningrad, 1991. (In Russian)

9. Antonova V. I. K voprosu o pervonachal'noj kompozicii ikony Vladimirskoj Bogomateri [On the Issue of the Original Composition of the Icon of Our Lady of Vladimir]. *Vizantijskij vremennik*, 1961, vol. 18, p. 198–205. (In Russian)

10. Bahareva N. N. Gorodeckij Feodorovskoj ikony Bozhiej Materi monastyr' [Gorodetsky Feodorovskaya Icon of the Mother of God Monastery]. *Orthodox encyclopedia*, vol. 12. Moscow, 2006, p. 134–138. (In Russian)

11. Ekzemplyarsky A. V. *Velikiye i udel'nyye knyaz'ya Severnoy Rusi v tatarskiy period, s 1238 po 1505 g. [Great and appanage princes of Northern Rus' in the Tatar period, from 1238 to 1505]*, vol. 1. St. Petersburg, 1889. (In Russian)

12. Ferapont (Kashin), Metropolitan. K voprosu o vremeni i obstoyatel'stvakh osnovaniya Ipat'yevskogo monastyrya [On the Question of the Time and Circumstances of the Founding of the Ipatiev Monastery]. *Ipat'yevskiy vestnik*, 2024, no. 1 (25), p. 48–70. (In Russian)

13. Ferapont (Kashin), Metropolitan. Mineynaya (milyutinskaya) redaktsiya "Skazaniya o yavlenii i chudesakh Feodorovskoy ikony Bozhiyey Materi" (17 vek) [Menaion (Milyutin) Edition of the "Tale of the Appearance and Miracles of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God" (17th Century)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 2020, no. 3 (38), p. 280–293. (In Russian)

14. Ferapont (Kashin), Metropolitan. Prostrannaya redaktsiya "Skazaniya o yavlenii i chudesakh Feodorovskoy ikony Bozhiyey Materi": Tekst i kommentariy [Extended Edition of "The Tale of the Appearance and Miracles of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God": Text and Commentary]. *Ipat'yevskiy vestnik*, 2023, no. 4 (24), p. 35–82. (In Russian)

15. Florya B. N., Klimkova A. A. Cyril II. *Orthodox encyclopedia*, vol. 34. Moscow, 2014, p. 546–551. (In Russian)
16. Gaydenko P. I. Sobor 1273 (4) goda v svete tserkovno-politicheskoy situatsii na Rusi: neskol'ko zamechaniy o nesostoyavsheysya kanonicheskoy reforme mitropolita Kirilla [The Council of 1273 (4) in Light of the Church-Political Situation in Rus': Several Comments on the Failed Canonical Reform of Metropolitan Kirill]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2014, vol. 15, issue 4, p. 229–239. (In Russian)
17. Gaydukov P. G. Vislyye svintsovyeye pechati Aleksandra Yaroslavicha Nevskogo [Hanging Lead Seals of Alexander Yaroslavich Nevsky]. *Aleksandr Nevskiy: lichnost', epokha, istoricheskaya pamyat'. K 800-letiyu so dnya rozhdeniya*. Materials of the conference. Moscow, 2021, p. 15–21. (In Russian)
18. Gorskiy A. A. Nasledovaniye velikogo knyazheniya v seredine 13 v. Batyy i machekha Aleksandra Nevskogo [Succession to the Grand Duchy in the Mid-13th Century. Batu and Alexander Nevsky's Stepmother]. *Rossiyskaya istoriya*, 2020, no. 4 (July-August), p. 31–37. (In Russian)
19. Korogodina M. V. *Kormchiye knigi 14 — pervoy poloviny 17 veka [The Kormchaia Books of the 14th — First Half of the 17th Century]*, vol. 2. Moscow, 2017. (In Russian)
20. Kuchkin V. A. "Skazaniye o smerti mitropolita Petra" ["The Tale of the Death of Metropolitan Peter"]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*, 1962, vol. 18, p. 59–79. (In Russian)
21. Maslenitsyn S. I. Ikona "Bogomateri Fedorovskoy" 1239 g. [Icon of the "Mother of God Feodorovskaya" of 1239]. *Pamyatniki kul'tury: novyye otkrytiya. Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiya: Yearbook 1976*. Moscow, 1977, p. 155–166. (In Russian)
22. Musin A. E. Drevnerusskoye obshchestvo, yepiskopat i kanonicheskoye pravo v 12–14 vv. [Old Russian Society, Episcopate and Canon Law in the 12th–14th Centuries]. *Miscellanea Slavica: Sbornik statey k 70-letiyu B. A. Uspenskogo*. Moscow, 2008, p. 341–361. (In Russian)
23. Nazarenko A. V., Kvividze N. V. Aleksandr Yaroslavich Nevskiy [Alexander Yaroslavich Nevsky]. *Orthodox encyclopedia*, vol. 1. Moscow, 2000, p. 541–544. (In Russian)
24. Pavel (Podlipskiy), Bishop. *Opisaniye kostromskogo Ipat'yevskogo monastyr'ya [Description of the Kostroma Ipatiev Monastery]*. Moscow, 1832. (In Russian)
25. Pechnikov M. V. K izucheniyu Sobornykh pravil 1273 g. [On the Study of the Cathedral rules of 1273]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2009, no. 4 (38), p. 97–107. (In Russian)
26. Petrushko V. I. K voprosu ob osnovanii mitropolitom Kirillom II episkopskikh kafedr v Saraye i Tveri [On the Issue of the Foundation of Episcopal Sees in Sarai and Tver by Metropolitan Kirill II]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh = Paleorossiya. Ancient Rus' in Time, in Personalities, in Ideas*, 2024, no. 4 (28), p. 73–85. (In Russian)
27. Petrushko V. I. Problema iyerarkhicheskogo vozglavleniya Russkoy Tserkvi v kontekste mezhknyazheskikh otnosheniy posle mongol'skogo zavoyevaniya Rusi [The Problem of Hierarchical Leadership of the Russian Church in the Context of Inter-Princely Relations after the Mongol Conquest of Rus']. *Khristianskoye chteniye = Christian reading*, 2024, no. 2, p. 1–20. (In Russian)
28. Petrushko V. I. V razvitiye gipotezy o vremeni i obstayatel'stvakh osnovaniya Ipat'yevskogo monastyr'ya, predlozhennoy mitropolitom Kostromskim i Nerekhtskim Ferapontom [In Development of the Hypothesis about the Time and Circumstances of the Foundation of the Ipatiev Monastery, proposed by Metropolitan Ferapont of Kostroma and Nerekhta]. *Ipat'yevskiy vestnik*, 2025, no. 1 (29), p. 78–90. (In Russian)
29. Petrushko V. I. Vladimir na Volyni kak tserkovnyy tsentr Russkoy mitropolii v nachal'nyy period sluzheniya mitropolita Feognosta [Vladimir in Volyn as the Church Center of the Russian Metropolis in the Initial Period of Metropolitan Theognost's Ministry]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh = Paleorossiya. Ancient Rus' in Time, in Personalities, in Ideas*, 2023, no. 1 (21), p. 53–60. (In Russian)

30. Shchapov Ya. N. *Vizantiyskoye i yuzhnoslavyanskoye pravovoye naslediyе na Rusi v 11–13 v. [Byzantine and South Slavic Legal Heritage in Rus' in the 11th–13th Centuries]*. Moscow, 1978, p. 181–184. (In Russian)
31. Tatishchev V. N. *Istoriya Rossiyskaya [Russian History]*, vol. 4. St. Petersburg, 1784. (In Russian)
32. Vahrina V. I., Shchennikova L. A. Vladimirskaya ikona Bozhiej Materi [Vladimir Icon of the Mother of God]. *Orthodox encyclopedia*, vol. 9. Moscow, 2005, p. 8–38. (In Russian)
33. Veselovsky S. B. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Research on the History of the Class of Serving Landowners]*. Moscow, 1969. (In Russian)
34. Vvedenskiy S. N. Tserkovnyy sobor v Kostrome pri mitropolite Vserossiyskom Feognoste [Church Council in Kostroma under the All-Russian Metropolitan Feognost]. *Khristianskoye Chteniye = Christian Reading*, 1914, no. 2, p. 235–245. (In Russian)